

DOI 10.22363/2313-1683-2023-20-1-7-23

EDN: DGMKWG

УДК 159.9.07

Исследовательская статья

Роль гражданской идентичности, религиозности, пола и образования в приверженности молодежи к различным формам социальной активности

Р.М. Шамионов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского,
Российская Федерация, 410012, Саратов, ул. Астраханская, д. 83
✉ shamionov@mail.ru

Аннотация. Проблема социальной активности молодежи, которая является важной основой для динамичного и инновационного развития общества, находится в поле исследовательского внимания психологии, социологии, юриспруденции, педагогики и других наук. Вопрос факторной структуры и роли социально-психологических характеристик в интегральных (сочетанных) формах социальной активности относится к важным задачам современной социальной психологии. Цель исследования – изучить структуру социальной активности молодежи и на основе путевого анализа определить роль гражданской идентичности, религиозности, пола и образования в приверженности к различным ее формам. Выборку составили 305 человек в возрасте $M = 21,2$; $SD = 2,95$ (мужчины – 35,4 %), в семейных отношениях состоят 17,4 %. Для оценки приверженности к различным формам социальной активности применялись специальные моношкалы. Гражданская идентичность определялась посредством шкалы А.Н. Татарко. Используются методы описательной статистики, факторный, корреляционный, регрессионный, путевой анализ. Показано, что четырехкомпонентная (гражданско-политическая, протестно-субкультурная, духовно-образовательная, досуговая) факторная модель форм социальной активности является приемлемой. В результате моделирования установлена прямая связь пола и образования с выраженностью образовательно-развивающей, гражданско-политической и досуговой активности. Гражданская идентичность является положительным фактором гражданско-политической и отрицательным – протестно-субкультурной активности. В центре модели находится приверженность к духовно-образовательной активности, вносящая вклад в предикцию всех остальных форм – гражданско-политической, досуговой (прямо), протестно-субкультурной (опосредованно). Способствующая или препятствующая и посредническая роли гражданской идентичности, религиозности, пола и образования в приверженности к различным формам социальной активности могут использоваться в организации социальной активности молодежи и в разработке программ «направляемой» социализации.

Ключевые слова: личность, социальная активность, гражданская идентичность, образование, виды активности, факторы активности, модель путей

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 18-18-00298.

© Шамионов Р.М., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

Социальная активность понимается как часть занятого образа жизни, проявляющегося в различных видах (волонтерской, творческой, коммуникативной, гражданской, общественной) социальной деятельности (McFarland, Thomas, 2006; Brown et al., 2012; Oosterhoff et al., 2017), а также как социальное по происхождению и по целям поведение, инициативное и преобразующее социальную реальность, включая и саму личность или группу, в результате чего появляется новое качество и того, и другого (Шамионов, 2018).

Социальная активность – явление обширное и характеризующее все возрастные группы (Шелепова, 2009; Омельченко, Поляков, 2017). Вместе с тем наиболее весомое распространение она приобретает в юности и молодости. Одной из наиболее важных оснований и мотивов социальной активности молодежи является возможность самореализации, самопрезентации, самоутверждения – тех социально-психологических и возрастных характеристик, которые являются важнейшими (частными) эффектами социализации личности в юности и молодости. Между тем, именно эти мотивы становятся основаниями чрезвычайного разнообразия приложения социальной активности в этот возрастной период.

Принципиальным вопросом при изучении социальной активности является вопрос о ее структурном строении. Интеграция различных подходов к анализу социальной активности, позволяет исходить из представлений о ее структуре как связывающей структуру личности и структуру ее деятельности, выступающей «посредником» между личностью и ее деятельностью и требованиями общества (Харланова, 2011). Вместе с тем остается не раскрытой структура форм социальной активности. Это особенно необходимо для целей анализа социальной активности как полинаправленной, как той, которая предполагает включенность в различные ее виды, а также соотношения между ними. В результате исследований внутренней и видовой структуры активности удалось установить, что социальная активность может предполагать не только различную энергетику, но и различный уровень «социальности» и содержание. Кроме того, необходимо отметить и то, что в активности участвует вся личность и в ней же она формируется. Включенность личности в конкретные формы активности, то есть опредмеченная социальная активность (Шамионов и др., 2019) связана, в ряду прочего, с ее направленностью и аттитюдами. Поэтому социально-психологический анализ социальной активности предполагает изучение не активности вообще, а опредмеченной активности и ее факторов, механизмов вовлечения личности в определенные ее формы и характер дифференциации различных форм, их структурирование.

Формы социальной активности молодежи весьма различны. Некоторые из них выступают ключевыми в организации студенческой жизни и являются универсальными для разных стран. Это досуговая, спортивная, образовательная, коммуникативная, волонтерская и отчасти гражданская активность (Кумыков и др., 2017; Балабанова, 2018). В различных исследованиях отмечается предпочтение молодыми людьми определенных форм активности. В последнее время в психологии и социологии особое внимание уделено конкретным формам активности молодежи. В частности, изучены досуговая активность (Седова,

2009); инновационная (Терехова, 2017); протестная (Klenova, 2019), гражданская (Maximova et al., 2017; Chan, Guo, 2013), волонтерская (Лаврентьев, 2014; Бадаева, Осипова, 2018), социально-сетевая (Seigfried-Spellar, Lankford, 2018; Sherman, et al., 2018), образовательно-развивающая (Щемелева, 2016), экономическая (Васильева, Полтавская, 2015) политическая (Сохадзе, 2017; Grant et al., 2017), религиозная (Hardy et al., 2015) и др. Из этих исследований следует, что в реализации той или иной формы социальной активности непременно участвуют и другие формы, либо первые обуславливают актуализацию вторых. Однако совместность, согласованность, сочетанность предпочтений отдельных форм активности практически не изучены. Это связано с трудностями эмпирического исследования социальной активности, с попыткой отделить, вычлениить и изучить «в чистом виде» характеристики отдельных форм активности, их социально-психологическую детерминацию.

Однако в реальной ситуации социальная активность молодежи имеет свою направленность (направленности). Важным обстоятельством здесь является то, что эти направленности определенным образом взаимосвязаны; вовлеченность в одни формы социальной активности определенным образом может оказывать влияние на интерес, а порой и включенность в другие формы. Поскольку в реальности социальная активность полинаправлена, необходимо выяснить то, какие ее формы и каким образом группируются (на основании характера совместных изменений), как они связаны друг с другом, наконец, образуют ли они единую структуру. В соответствии с системно-диахроническим подходом система социальной активности личности, ее формы могут быть распределены по ряду уровней и эти уровни могут находиться в соподчиненных позициях, характеризуясь как прямыми, так и скрытыми взаимосвязями, регулируя реализацию социального поведения (Шамяионов, 2019). Поэтому необходимо изучить то, каким образом различные виды активности молодежи группируются в единые комплексы, как они связаны между собой и какова роль важнейших для молодежи характеристик идентичности, образования, религиозности в приверженности к отдельным ее формам. Такое научное знание позволит организовывать социальную активность молодежи с учетом пола, образования, религиозности, гражданской идентичности и вовлекать в социально-нормативные формы и блокировать асоциальные. **Цель исследования** – изучить структуру социальной активности молодежи и на основе путевого анализа определить роль гражданской идентичности, религиозности, пола и образования в приверженности к различным формам социальной активности.

Выдвинуты следующие *гипотезы*.

1. Разные формы социальной активности образуют взаимосвязанные комбинации по принципу совместной изменчивости, свидетельствующие об их сочетанности.

2. Гражданская идентичность, религиозность, пол и образование играют значимую роль в предпочтении разных форм социальной активности изолированно и совместно с другими факторами.

3. Предпочтения интегрированных форм социальной активности объясняются совместным эффектом ряда факторов: предпочтение досуговой

активности – отрицательным эффектом религиозности и возраста и положительным – образовательно-развивающей активности; образовательно-развивающая активность – пола, возраста (отрицательно) и религиозности; предпочтение гражданско-политической активности – эффектом гражданской идентичности и образовательно-развивающей активности; предпочтение протестно-субкультурной активности – отрицательным эффектом гражданской идентичности и положительным – гражданско-политической активности.

Процедура и методы исследования

Участники. В исследовании приняли участие 305 человек в возрасте $M = 21,2$; $SD = 2,95$ (35,4 % мужчин), в семейных отношениях состоят 17,4 %, городские жители – 88,9 % (44,6% из больших городов, 44,3 % из малых), образование: среднее школьное – 56 %, среднее профессиональное (техникум, колледж) – 14 %, бакалавриат (специалист) – 26,9 %, магистратура (и выше) – 2,6 %.

Методики. Были использованы анкета, направленная на фиксацию социально-демографических характеристик (пол (в расчетах приняты обозначения: 1 – женский, 2 – мужской), возраст, место жительства, образование), установок социальной активности, религиозности. Степень включенности личности в те или иные виды социальной активности изучалась с помощью методики прямого числового шкалирования, разработанного коллективом автором (Шамяионов и др., 2020), направленного на измерение приверженности к тому или иному виду социальной активности (размерность шкалы – 5 пунктов). Основываясь на положении о полинаправленности социальной активности (Oosterhoff et al., 2017; Шамяионов и др., 2020), предлагалось оценить степень приверженности к каждой форме социальной активности. Соответственно, измерялась приверженность к Альтруистической (АД), Досуговой (ДосА); Социально-политической (СПА); Интернет-сетевой (ИСА); Гражданской (ГА); Социально-экономической (СЭА); Образовательно-развивающей (ОРА); Духовной (ДА); Религиозной (РА); Протестной (ПА); Радикально-протестной (РПА); Субкультурной (СА) активности. Шкалы разработаны на основе исследований представлений о социальной активности. Для оценки гражданской идентичности использована Шкала гражданской идентичности (Татарко, 2011). Шкала содержит 4 пункта, каждый из которых оценивается от 1 до 5 баллов. Проверка шкалы на внутреннюю согласованность дала хороший результат, α Кронбаха = 0,85

Кроме того, были включены вопросы, касающиеся прямой оценки степени приверженности к религии (религиозность), чувства неопределенности и готовности участия в публичных протестных акциях и гражданского участия (размерность шкалы – 5 пунктов в соответствии с выраженностью 1 – не выражено, 5 – выражено в максимальной степени). Все шкалы проверены на нормальность распределения с помощью критерия Колмогорова – Смирнова.

Дизайн исследования. В начале проведен анализ средних арифметических показателей и корреляционный анализ. Затем проведен факторный анализ для группировки исходных переменных и вычисления новых переменных, отражающих степень выраженности обобщенных форм активности.

Наконец, запущена процедура моделирования путей для выяснения направленности связей между показателями гражданской идентичности, религиозности и образования с обобщенными формами социальной активности.

Статистический анализ. Для обработки первичных данных использовался статистический программный комплекс IBM SPSS Statistics и IBM SPSS AMOS, которое может быть использовано для моделирования структурными уравнениями.

Все использованные в исследовании шкалы проверены на внутреннюю согласованность с помощью α Кронбаха, а данные проверены на нормальность распределения с помощью метода Колмогорова – Смирнова. Социально-демографические данные изучались с помощью описательной статистики (отраженной в средних значениях, стандартных отклонениях и процентах).

Факторный анализ проведен по методу максимального правдоподобия с Varimax-вращением, затем вычислены новые интегральные переменные, соответствующие полученным факторам.

С помощью процедуры моделирования структурными уравнениями разработана модель путей, которая помогла установить достоверность модели и критерии принятия модели χ^2 (CMIN), степени свободы (df) (CMIN/df < 2), индекс сравнительной подгонки (CFI > 0,90), скорректированный индекс добротности подгонки (AGFI > 0,90), индекс добротности подгонки (GFI > 0,90), среднеквадратичная ошибка аппроксимации (RMSEA < 0,08)). В соответствии с требованиями к модели (Hair et al., 2009) была проверена статистическая значимость всех коэффициентов регрессии, ковариация между переменными и дисперсии.

Результаты исследования

Как видно из табл. 1, наиболее выражена досуговая активность, следующий за нею блок – интернет-сетевая, социально-экономическая, образовательно-развивающая, духовная и альтруистическая. Наконец, наименее предпочитаемыми являются радикально-протестная, субкультурная и протестная нормативная и религиозная активность.

Результаты корреляционного анализа показали, что между разными формами активности существуют множественные взаимосвязи по выраженности от слабой до умеренной (табл. 1). Менее всего по количеству связаны с другими досуговая и субкультурная формы активности. Из результатов корреляционного анализа также следует перспективность регрессионного анализа и построения моделей на основе структурных уравнений.

Для группировки видов социальной активности по признаку совместной изменчивости и определения новых переменных нами проведен факторный анализ. В результате факторного анализа (табл. 2) после Varimax-вращения выделено 4 фактора ($p(\text{Sig.}) > 0,05$), объясняющих 59,9 % общей дисперсии. Мера адекватности составляет 0,75. Все факторы равномерно распределены по уровню дисперсии.

Первый фактор включил гражданскую, социально-экономическую, социально-политическую активность (*гражданско-политическая активность*), второй фактор – протестную, радикально-протестную и субкультурную ак-

тивность (*протестно-субкультурная активность*), третий фактор – альтруистическую деятельность, образовательно-развивающую, духовную и религиозную активность (*духовно-образовательная активность*), четвертый – досуговую и интернет-сетевую активность (*досуговая активность*).

Таблица 1 / Table 1

Средние значения и корреляции показателей приверженности к видам активности / Mean values and correlations of indicators of commitment to types of activity

Виды активности / Activity types	Ср./ Mean	SD	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1. АД / AA	2,40	1,18	1,00	0,08	0,21**	0,09	0,30**	0,15**	0,29**	0,22**	,26**	0,02	0,02	0,05
2. ДосА / LA	3,94	1,04	0,08	1,00	-0,08	0,24**	0,00	0,20**	0,27**	0,19**	-0,06	-0,04	-0,05	-0,07
3. СПА / SPA	1,73	0,94	0,21**	-0,08	1,00	0,17**	0,54**	0,27**	0,29**	0,19**	0,25**	0,27**	0,24**	0,07
4. ИСА / IA	2,95	1,32	0,09	0,24**	0,17**	1,00	0,13*	0,09	0,25**	0,19**	0,11	0,22**	0,18**	0,19**
5. ГА / CA	1,84	1,08	0,30**	0,00	0,55**	0,13*	1,00	0,35**	0,38**	0,27**	0,25**	0,20**	0,18**	0,04
6. СЭА / SEA	2,69	1,37	0,15**	0,20**	0,27**	0,09	0,35**	1,00	0,42**	0,24**	0,23**	0,23**	0,06	0,02
7. ОРА / EdA	2,68	1,27	0,29**	0,27**	0,29**	0,59**	0,38**	0,42**	1,00	0,46**	0,32**	0,14*	0,08	-0,01
8. ДА / SpA	2,54	1,28	0,22**	0,19**	0,19**	0,19**	0,27**	0,24**	0,46**	1,00	0,37**	0,19**	0,13*	0,11
9. РА / RA	1,55	0,95	0,26**	-0,06	0,25**	0,11	0,25**	0,23**	0,32**	0,37**	1,00	0,22**	0,19**	0,02
10. ПА / PrA	1,46	0,88	0,02	-0,04	0,27**	0,22**	0,20**	0,23**	0,14*	0,19**	0,22**	1,00	0,39**	0,32**
11. РПА / RPA	1,32	0,76	0,02	-0,05	0,24**	0,18**	0,18**	0,06	0,08	0,13*	0,19**	0,39**	1,00	0,43**
12. СА / ScA	1,43	0,95	0,05	-0,07	0,07	0,19**	0,04	0,02	-0,01	0,11	0,02	0,32**	0,43**	1,00

Примечание. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; АД – альтруистическая деятельность; ДосА – досуговая активность; СПА – социально-политическая активность; ИСА – интернет-сетевая активность; ГА – гражданская активность; СЭА – социально-экономическая активность; ОРА – образовательно-развивающая активность; ДА – духовная активность; РА – религиозная активность; ПА – протестная активность; РПА – радикально-протестная активность; СА – субкультурная активность.

Note. * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; AA – altruistic activity; SPA – socio-political activity; LA – Internet network activity; CA – civic activity; SEA – socio-economic activity; EdA – educational and developmental activity; SpA – spiritual activity; RA – religious activity; PrA – protest activity; RPA – radical protest activity; ScA – subcultural activity.

Таблица 2 / Table 2

Результаты факторного анализа: матрица факторов / Results of factor analysis: Matrix of factors

Виды активности / Activity types	1	2	3	4
ГА / CA	,776	,076	,253	-,020
СПА / SPA	,775	,204	,141	-,116
СЭА / SEA	,630	-,013	,110	,351
РПА / RPA	,125	,775	,071	-,043
СА / ScA	-,118	,772	,034	,019
ПА / PrA	,301	,664	,039	,063
РА / RA	,155	,156	,748	-,111
ДА / SpA	,089	,153	,676	,325
АД / AD	,154	-,077	,649	-,006
ОРА / EdA	,415	-,028	,505	,463
ДосА / LA	-,028	-,140	,002	,845
ИСА / IA	,063	,395	,071	,571
Дисперсия, всего / Variance, total: 59.9 %	16,3	15,9	15,0	12,6

Далее вычислены показатели новых (интегральных) переменных, полученных методом факторного анализа (Шамионов, 2020). Они проверены на внутреннюю согласованность (α Кронбаха = 0,82–0,86) и нормальность распределения с помощью метода Колмогорова – Смирнова для последующего использования в модели путей.

На следующем этапе нами построена модель путей (рисунок) социальной активности. Ее размерности (табл. 3) показывают приемлемый результат, все ковариации, дисперсии экзогенных переменных статистически достоверны. Объем выборки в анализируемом случае достаточен, но требование многомерной нормальности не выполнено, поэтому нами применен допустимый в таких случаях метод, свободный от распределения (asymptotically distribution-free) (Наследов, 2013).

Таблица 3 / Table 3

Модель путей: психометрические характеристики и их индексы /
Model of paths: psychometric characteristics and their indices

Модель путей/критерии согласия Path model/consent criteria	χ^2	df	χ^2/df	p	CFI	AGFI	GFI	RMSEA
Индексы / Indices	34,93	23	1,52	0,053	0,968	0,973	0,986	0,041

Примечание: χ^2 – критерий согласия; df – степени свободы; CFI – индекс сравнительной подгонки; AGFI – скорректированный индекс добротности подгонки; GFI – индекс добротности подгонки; RMSEA – среднеквадратичная ошибка аппроксимации.

Note: χ^2 – consent criterion; df – degrees of freedom; CFI – comparative fit index; AGFI – Adjusted Goodness-of-Fit Index; GFI – Goodness-of-Fit Index; RMSEA – root mean square error of approximation.

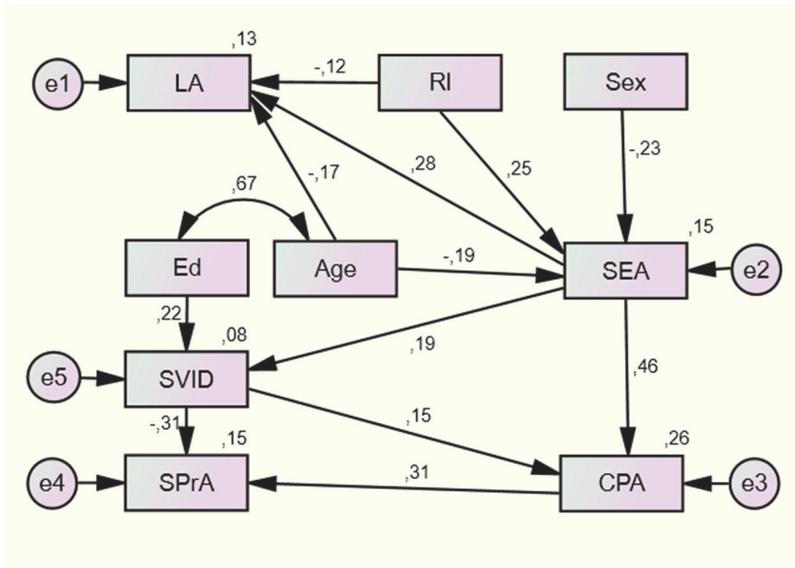

Рис. 1. Модель путей для форм социальной активности
Figure 1. Model of paths for forms of social activity

Примечание. В модели представлены стандартизированные значения: Ed – образование; RI – религиозность; SVID – гражданская идентичность; SEA – духовно-образовательная активность; CPA – гражданско-политическая активность; SPra – протестно-субкультурная активность; LA – досуговая и интернет-сетевая активность.

Note. Standardized values are presented in the model: Ed – education; RI – religiosity; SVID – civil identity; SEA – spiritual and educational activity; CPA – civil-political activity; SPra – protest-subcultural activity; LA – leisure and Internet network activity.

В качестве экзогенных переменных в данной модели (рисунок) выступают переменные пола, возраста, образования, религиозности. Переменные пола, религиозности и возраста однозначно детерминируют 15 % вариаций приверженности к духовно-образовательным формам активности. Кроме того, религиозность и возраст совместно с духовно-образовательными формами участвуют в детерминации досуговой активности, объясняя 13 % ее вариаций. Из модели также следует, что приверженность к духовно-образовательным формам активности является медиатором связи религиозности и возраста с досуговой активностью, ослабляя прямую причинную связь. Наконец, имеется опосредованное влияние образования (через гражданскую идентичность) на вариации приверженности к субкультурно-протестным формам активности.

Совокупный вклад пола и возраста и религиозности в вариации сочетанных духовно-образовательных форм активности составляет 15 % общей дисперсии. Специальное тестирование модерации переменных позволило установить наличие отрицательного модерационного эффекта гражданской идентичности на гражданско-политические формы активности [$Ed^*SVID \rightarrow SEA = -0,136; t = 2,69; p < 0,01$].

Обсуждение результатов исследования

Анализ приверженности к отдельным видам социальной активности (табл. 1) показал, что молодежь предпочитает те из них, которые связаны с основной занятостью (учебная деятельность) или ежедневными заботами. Как видно из полученных данных, разброс показателей велик в случае приверженности к интернет-сетевой активности (от минимального до максимального участия), а также социально-экономической, образовательно-развивающей и духовной активности. Это свидетельствует о том, что имеется сильная дифференциация среди молодежи в приверженности к данным видам активности. Эти данные согласуются с результатами исследований, в которых отмечается, что большинство молодых людей мало интересуется политикой, религией, а гражданское участие и тем более радикальные формы активности присущи значительному меньшинству (Сохадзе, 2017; Троцук, Сохадзе, 2014).

Из приведенных данных корреляционного анализа видно, что приверженность к отдельным видам активности связана с другими видами весьма тенденциозно. Менее всего (в отличие от остальных форм) связаны с другими наиболее и наименее выраженные досуговая и субкультурная активности. Очевидно, структура социальной активности молодежи весьма сложна и предполагает более интенсивное участие в одних и менее интенсивное в других группах активности. В центре этой структуры находится духовная активность (10 связей), включающая увлечение литературой, живописью, искусством в целом, духовное развитие, которая связана со всеми формами, кроме субкультурной. Вокруг этой активности строится целая плеяда других видов активности – образовательно-развивающая (9 связей), протестная (9 связей), социально-политическая (9 связей) и т. д. Это значит, что, несмотря на несильную выраженность, духовная активность сопутствует практически

любимым формам активности; ненамного от нее отстают другие формы – образовательно-развивающая, социально-политическая, протестная и т. п. Несмотря на существенные различия (и даже противоположную направленность) между целями некоторых видов активности, их связующим звеном является духовная. Это подтверждает идею о связи активности с традиционными ценностями россиян, выраженную в работах ряда исследователей (Бердяев, 2018; Гумилев, 1989; Лебедева, 2009; Шамяионов, Аренков, 2016).

Из результатов факторного анализа следует, что, гражданское и политическое участие неразрывно с экономической активностью молодежи, что может свидетельствовать в пользу того, что достаточно ранняя экономическая активность, предполагающая самостоятельность, может способствовать и гражданско-политическому участию. Объединение в один фактор протестной, радикально-протестной и субкультурной активности, очевидно, выводит их на уровень сепарации от основной части молодежи, для которой досуговая активность является ведущей. Объединение в один фактор образовательной и волонтерской активности не вызывает удивления, поскольку волонтерские организации тесно ассоциированы с образовательными учреждениями в России. Однако включение в него духовной и религиозной активности может свидетельствовать о сопряженности всех этих форм активности с поиском возможностей для развития. Наконец, не вызывает удивления включение в единый фактор интернет-сетевой и досуговой активности, что может свидетельствовать об общих основаниях (времяпрепровождение как основная их цель) в приверженности к этим формам активности. Полученные данные указывают на общность различных форм активности и их объединение в отдельные симптомокомплексы: гражданско-политические, духовно-образовательные, досуговые и протестно-субкультурные формы.

В результате моделирования структурными уравнениями получена эмпирически подтвержденная модель. Независимые переменные пол, возраст, образование и религиозность являются предикторами разных форм активности. Из модели следует, что девушки более охотно предпочитают духовно-образовательные виды социальной активности. Эти данные согласуются с психологическими и социологическими исследованиями, проведенными в последнее время (Арендачук, 2022; Ушкин, 2018). Общая религиозность способствует продвижению духовно-образовательной активности и, напротив, является отрицательным предиктором досуговых форм, что соответствует религиозным канонам основных конфессий в России, и подтверждается результатами других исследований (Арендачук, 2018). Вместе с тем продвижение досуговой и духовно-образовательной активности характерно для молодой части выборки, что подтверждается результатами и других исследований (Арендачук, 2018).

Из этой модели видно, что духовно-образовательные формы активности являются определяющими для других форм. В частности, имеется прямая направленная связь духовно-образовательной активности с гражданско-политической (и через нее с протестно-субкультурной) и с досуговой формами активности. При этом вклад в функцию гражданско-политической активности находится на более высоком уровне, чем в субкультурно-протестную

и досуговую формы активности. Иначе говоря, духовно-образовательная активность молодежи является предиктором гражданско-политической и досуговой форм активности, объясняя соответственно 26 и 13 % их общей дисперсии. Это во многом объясняет то, что среди гражданских активистов, а также тех, кто принимает участие в политических манифестациях в России, большинство составляют лица с высшим образованием (Печеркина, 2017). Гражданско-политические формы активности и гражданская идентичность выступают медиатором прямой направленной связи духовно-образовательной с субкультурно-протестной формами активности, объясняя до 15 % общей дисперсии. Из этого следует, что гражданско-политические формы активности и гражданская идентичность снижают прямую причинную связь духовно-образовательной активности с субкультурно-протестной. Эти результаты свидетельствуют о том, что гражданская идентичность «гасит» протестные настроения молодежи и снижает вероятность их вовлечения в субкультурные группы. С другой стороны, из модели видно, что совместный вклад гражданско-политической активности (положительно) и гражданской идентичности (отрицательно) составляет порядка 15 % вариаций субкультурно-протестной активности. Из этого следует, что совместная изменчивость гражданской, политической и экономической активности обуславливают протестное поведение в разных его проявлениях – от простой декларации и ухода в субкультуры до резкого противопоставления, радикальной активности, а «подрывает» его гражданская идентичность.

Если связь с гражданско-политическим участием здесь вполне объяснима, то связь с экономической активностью требует большего внимания. Очевидно, определенная экономическая (скорее весьма незначительная) свобода молодых людей способствует протестным настроениям. Это предположение подтверждается и результатами специальных исследований (Петухов, 2016), в которых показано, что сохраняются протестные (в разных формах) настроения экономически активной молодежи. Вместе с тем сами формы протеста могут весьма сильно варьировать в зависимости от места проживания молодых людей. Например, в условиях мегаполиса это может ограничиться сменой места работы, в случае небольшого города – миграцией, снижением активности и т. п. Ранее, например, удалось установить, что в малом городе имеется прямая связь между доходом и готовностью принять участие молодых людей в публичных протестных акциях с целью отстаивания своих прав и свобод ($r = 0,13$; $p < 0.05$) (Шамяионов и др., 2020).

В результате проверки модерационного эффекта гражданской идентичности нам удалось выяснить, что гражданская идентичность ослабляет связь образования с гражданско-политическим участием молодежи. Это значит, что образование и гражданская идентичность совместно снижают вероятность такого участия.

Заключение

Наиболее предпочтительной у молодежи является досуговая активность. Достаточно сильна приверженность к интернет-сетевой, образовательно-развивающей и социально-экономической активности. Эти формы активно-

сти задействованы в условиях продолжающегося образования молодых людей (очно или заочно), все они взаимосвязаны на высоком уровне значимости, образуя жесткую и устойчивую структуру. Наименее выражены гражданско-политические формы активности.

Несмотря на общую полинаправленность социальной активности молодежи, разные ее формы образуют группы по характеру совместной изменчивости. В результате факторного анализа выделены четыре такие группы (обобщенных фактора) сочетанных форм социальной активности духовно-образовательная активность, индикаторами которой являются религиозная, духовная, образовательная активности, альтруистическая деятельность; досуговая (индикаторы – досуговая и интернет-сетевая); гражданско-политическая (индикаторами которой являются гражданская, социально-экономическая, социально-политическая формы) и субкультурно-протестная (индикаторы – субкультурная, протестная и радикально-протестная формы) активность.

Подтверждена значимая роль идентичности, образования, возраста и религиозности в приверженности к социальной активности. Гражданская идентичность является медиатором прямой причинной связи духовно-образовательной с гражданско-политической активностью; гражданско-политическая активность – медиатором прямой причинной связи гражданской идентичности с субкультурно-протестной активностью. Наконец, духовно-образовательная активность является медиатором связи религиозности, пола и возраста с социально-политической активностью, а гражданская идентичность – медиатором связи образования и духовно-образовательной с субкультурно-протестной активностью.

В организации социальной активности молодежи необходимо учитывать значимую роль пола, образования, идентичности и религиозности в их приверженности к различным ее формам, а также то, что одни формы активности могут быть эффектами других форм. Одним из важных выводов данного исследования является не просто весомое значение этих переменных для отдельных видов социальной активности, но и выбор в пользу радикализации активности, либо отказа от нее.

Ограничения исследования. Данное исследование направлено лишь на определение структурной композиции социальной активности молодежи. Факторы возраста, пола, образования (как независимые переменные) служат для определения направления связей. Необходимы исследования, направленные на определение характера социально-психологической регуляции социальной активности молодежи (как по отдельности, так и обобщенных факторов).

Список литературы

- Арендачук И.В. Динамика ценностно-смысловых характеристик социальной активности современной молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 3. С. 287–307. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-3-287-307>
- Арендачук И.В., Кленова М.А., Усова Н.В. Характеристики образовательно-развивающей активности студентов в условиях вынужденной самоизоляции // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27. № 2. С. 82–95. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270207>

- Бадаева Н.Н., Осипова Н.В.* Социальная активность молодежи: волонтерство и добровольчество // *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2018. № 2 (31). С. 9–13. <https://doi.org/10.24153/2079-5912-2018-9-2-9-13>
- Балабанова Е.С.* Социально-психологический подход к исследованию социальной активности молодежи // *Знание. Понимание. Умение*. 2018. № 3. С. 210–223. <https://doi.org/10.17805/zpu.2018.3.19>
- Бердяев Н.А.* Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. М.: Изд-во Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. 240 с.
- Бочарова Е.Е.* Регулятивные и мировоззренческие факторы различных форм социальной активности молодежи // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*. 2018. Т. 7. № 4. С. 333–345. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-4-333-345>
- Васильева Е.Н., Полтавская М.Б.* Экономическая и социальная активность населения как индикатор формирования социального капитала // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2015. № 4 (36). С. 113–119.
- Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1989. 496 с.
- Кумыков А.М., Люев А.Х., Жабелова Г.А., Журавель К.Н.* Социальная активность студента как фактор профессиональной подготовки // *Высшее образование в России*. 2017. № 3. С. 127–132.
- Лаврентьев А.В.* Социальная активность волонтеров // *Волонтер*. 2014. № 3 (11). С. 6–12.
- Лебедева Н.М.* Ценности культуры и отношение к инновациям в России и Китае // *Альманах современной науки и образования*. 2009. № 11 (30). Ч. II. С. 188–192.
- Наследов А.Д.* IBM SPSS 20 Statistics и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2013. 416 с.
- Омельченко Е.Л., Поляков С.И.* Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ // *Социологическое обозрение*. 2017. Т. 16. № 2. С. 111–132. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-2-111-132>
- Петухов В.В.* Готовность россиян к отстаиванию своих социально-экономических прав в «новой кризисной реальности» // *Социологические исследования*. 2016. № 11 (391). С. 86–96.
- Печеркина И.Ф.* Детерминанты протестных настроений // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования* 2017. Т. 3. № 4. С. 86–97. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2017-3-4-86-97>
- Седова Н.Н.* Досуговая активность граждан // *Социологические исследования*. 2009. № 12 (308). С. 56–68.
- Сохадзе К.Г.* Социальная активность российской молодежи: масштабы и факторы сдерживания // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2017. Т. 17. № 3. С. 348–363. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-3-348-363>
- Татарко А.Н.* Социальный капитал как объект психологического исследования. М.: МАКС Пресс, 2011. 176 с.
- Терехова Т.А.* Концепция структуры инновационной активности личности // *Психология в экономике и управлении*. 2015. Т. 7. № 1. С. 5–15. [https://doi.org/10.17150/2225-7845.2015.7\(1\).5-15](https://doi.org/10.17150/2225-7845.2015.7(1).5-15)
- Троцук И.В., Сохадзе К.Г.* Социальная активность молодежи: подходы к оценке форм, мотивов и факторов проявления в современном российском обществе // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2014. № 4. С. 58–74.
- Ушкин С.Г.* «Народ против»: протесты и протестующие в виртуальных социальных сетях. М.: ИНФРА-М, 2018. 100 с. https://doi.org/10.12737/monography_5b5ffb29e84668.61830970
- Харланова Е.М.* Исследование социальной активности студентов // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2011. № 5. С. 173–178.
- Шамионов Р.М.* Социальная активность и склонность к риску студентов с автономным и зависимым типами субъектной регуляции // *Социальная психология и общество*. 2021. Т. 12. № 1. С. 94–112. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120107>

- Шамионов Р.М. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 379–394. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394>
- Шамионов Р.М. Социальная активность молодежи: системно-диахронический подход // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16. № 1. С. 166–188. <https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.8>
- Шамионов Р.М., Аренков А.П. Ценностные отношения и гражданская идентичность молодежи // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17. № 3. С. 35–48.
- Шамионов Р.М., Григорьева М.В., Арендачук И.В., Бочарова Е.Е., Усова Н.В., Кленова М.А., Шаров А.А., Заграничный А.И. Психология социальной активности. М.: Перо, 2020. 200 с.
- Шелепова С.Н. Социальная активность молодежных когорт в структуре современного общественно-политического процесса // Власть и управление на востоке России. 2009. № 2 (47). С. 147–154.
- Щемелева И.И. Социальная активность студенческой молодежи: уровни и этапы управления // Социология образования. 2016. № 7. С. 16–25.
- Brown C.L., Gibbons L.E., Kennison R.F., Robitaille A., Lindwall M., Mitchell M.B., Shirk S.D., Atri A., Cimino C.R., Benitez A., MacDonald S.W.S., Zelinski E.M., Willis S.L., Schaie K.W., Johansson B., Dixon R.A., Mungas D.M., Hofer S.M., Piccinin A.M. Social activity and cognitive functioning over time: a coordinated analysis of four longitudinal studies // Journal of Aging Research. 2012. Vol. 2012. Article 287438. <https://doi.org/10.1155/2012/287438>
- Chan M., Guo J. The role of political efficacy on the relationship between Facebook use and participatory behaviors: a comparative study of young American and Chinese adults // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2013. Vol. 16. No 6. Pp. 460–463. <https://doi.org/10.1089/cyber.2012.0468>
- Ferguson R., Gutberg J., Schattke K., Paulin M., Jost N. Self-determination theory, social media and charitable causes: an in-depth analysis of autonomous motivation // European Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 45. No 3. Pp. 298–307. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2038>
- Grant P.R., Bennett M., Abrams D. Using the SIRDE model of social change to examine the vote of Scottish teenagers in the 2014 independence referendum // British Journal of Social Psychology. 2017. Vol. 56. No 3. Pp. 455–474. <https://doi.org/10.1111/bjso.12186>
- Hair J.F., Black W.C., Babin B.J., Anderson R.E. Multivariate data analysis. 7th ed. Upper Saddle River: Pearson Prentice Hall, 2009. 761 p.
- Hardy S.A., Dollahite D.C., Johnson N., Christensen J.B. Adolescent motivations to engage in pro-social behaviors and abstain from health-risk behaviors: A self-determination theory approach // Journal of Personality. 2015. Vol. 83. No 5. Pp. 479–490. <https://doi.org/10.1111/jopy.12123>
- Klenova M.A. Protest activity and its psychological content in the context of young people's socio-political activity // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8. № 4 (32). С. 362–367. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-4-362-367>
- Maximova S.G., Noyanzina O.E., Omelchenko D.A. Construction of the general index of social exclusion of the elderly people: example of three Siberian regions // Contemporary Problems of Social Work. 2017. Vol. 3. No 3. Pp. 104–112. <https://doi.org/10.17922/2412-5466-2017-3-3-104-112>
- McFarland D.A., Thomas R.J. Bowling young: how youth voluntary associations influence adult political participation // American Sociological Review. 2006. Vol. 71. No 3. Pp. 401–425. <https://doi.org/10.1177/000312240607100303>
- Oosterhoff B., Ferris K.A., Metzger A. Adolescents' sociopolitical values in the context of organized activity involvement // Youth & Society. 2017. Vol. 49. No 7. Pp. 947–967. <https://doi.org/10.1177/0044118x14560528>

- Seigfried-Spellar K.C., Lankford C.M.* Personality and online environment factors differ for posters, trolls, lurkers, and confessors on Yik Yak // *Personality and Individual Differences*. 2018. Vol. 124. Pp. 54–56. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.11.047>
- Sherman L.E., Greenfield P.M., Hernandez L.M., Dapretto M.* Peer influence via Instagram: effects on brain and behavior in adolescence and young adulthood // *Child Development*. 2018. Vol. 89. No 1. Pp. 37–47. <https://doi.org/10.1111/cdev.12838>

История статьи:

Поступила в редакцию 9 ноября 2022 г.

Принята к печати 16 января 2023 г.

Для цитирования:

Шамионов Р.М. Роль гражданской идентичности, религиозности, пола и образования в приверженности молодежи к различным формам социальной активности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2023. Т. 20. № 1. С. 7–23. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-1-7-23>

Заявление о конфликте интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторе:

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия). ORCID: 0000-0001-8358-597X, ScopusID: 56528356700, ResearcherID: C-2869-2013. E-mail: shamionov@mail.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2023-20-1-7-23

EDN: DGMKWG

UDC 159.9.07

Research article

The Role of Civic Identity, Religiosity, Sex, and Education in Young People's Commitment to Various Forms of Social Activity

Rail M. Shamionov

Saratov State University,
83 Astrakhanskaya St, Saratov, 410012, Russian Federation

✉ shamionov@mail.ru

Abstract. The problem of social activity of young people is in the field of research attention of psychology, sociology, law, pedagogy and other sciences. The social activity of young people is an important basis for the dynamic and innovative development of society. Studying the factor structure and the role of socio-psychological characteristics in integral (combined) forms of social activity is an important task of modern social psychology. The aim of the study is to investigate the structure of social activity of young people and, based on a path analysis, to determine the role of civic identity, religiosity, sex, and education in commitment to various (combined) forms of social activity. The study involved 305 people aged $M = 21.2$; $SD = 2.95$ (men – 35.4%), 17.4% of the participants were married. A questionnaire aimed at

fixing socio-demographic characteristics, civic identity, religiosity, attitudes of social activity, and developed scales aimed at measuring commitment to various types of social activity were used. To assess this commitment, previously developed scales were used. Civil identity was determined using A.N. Tatarko's scale. Descriptive statistics methods, factorial, correlation, regression and path analyses were also applied. It has been shown that the four-component (civil-political, protest-subcultural, spiritual-educational, leisure) factor model of forms of social activity is acceptable for all the analyzed dimensions. As a result of modeling, a direct relationship between gender and education is established with the manifestations of educational-developing, civil-political and leisure, educational-developing activity respectively. Civil identity is a positive factor in civil-political activity and a negative factor in protest-subcultural activity. At the center of the model is the commitment to spiritual and educational activity, which contributes to the prediction of all the other forms of activity, i.e., civil-political and leisure (directly), and protest-subcultural (indirectly). The facilitating or hindering and mediating role of civic identity, religiosity, gender, and education in commitment to various forms of social activity can be used in organizing social activity of young people as well as in developing "guided" socialization programs.

Key words: personality, civic identity, education, types of activity, factors of activity, path model, structure, empirical model

Acknowledgements and Funding. The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) within the framework of scientific project No. 18-18-00298.

References

- Arendachuk, I.V. (2018). Dynamics of value and meaning characteristics of social activity of modern youth. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15(3), 287–307. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-3-287-307>
- Arendachuk, I.V., Klenova, M.A., & Usova, N.V. (2022). Features of educational and developmental activity of students under forced self-Isolation. *Psychological Science and Education*, 27(2), 82–95. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270207>
- Badaeva, N.N., & Osipova, N.V. (2018). Social activity of young people: volunteering and volunteerism. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*, (2), 9–13. (In Russ.) <https://doi.org/10.24153/2079-5912-2018-9-2-9-13>
- Balabanova, E.S. (2018). Social and psychological approach to the study of young people's social activity. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, (3), 210–223. (In Russ.) <https://doi.org/10.17805/zpu.2018.3.19>
- Berdyaev, N.A. (1918). *The fate of Russia: Experiences in the psychology of war and nationality*. Moscow: G.A. Leman i S.I. Sakharov Publ. (In Russ.)
- Bocharova, E.E. (2018). Regulatory and worldview factors of various forms of social activity of young people. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 7(4), 333–345. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-4-333-345>
- Brown, C.L., Gibbons, L.E., Kennison, R.F., Robitaille, A., Lindwall, M., Mitchell, M.B., Shirk, S.D., Atri, A., Cimino, C.R., Benitez, A., MacDonald, S.W.S., Zelinski, E.M., Willis, S.L., Schaie, K.W., Johansson, B., Dixon, R.A., Mungas, D.M., Hofer, S.M., & Piccinin, A.M. (2012). Social activity and cognitive functioning over time: A coordinated analysis of four longitudinal studies. *Journal of Aging Research*, 2012, 287438. <https://doi.org/10.1155/2012/287438>
- Chan, M., & Guo, J. (2013). The role of political efficacy on the relationship between Facebook use and participatory behaviors: A comparative study of young American and Chinese adults. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 16(6), 460–463. <https://doi.org/10.1089/cyber.2012.0468>

- Ferguson, R., Gutberg, J., Schattke, K., Paulin, M., & Jost, N. (2015). Self-determination theory, social media and charitable causes: An in-depth analysis of autonomous motivation. *European Journal of Social Psychology*, 45(3), 298–307. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2038>
- Grant, P.R., Bennett, M., & Abrams, D. (2017). Using the SIRDE model of social change to examine the vote of Scottish teenagers in the 2014 independence referendum. *British Journal of Social Psychology*, 56(3), 455–474. <https://doi.org/10.1111/bjso.12186>
- Gumilev, L.N. (1989). *Ethnogenesis and the Biosphere of the Earth*. Leningrad: Leningrad University. (In Russ.)
- Hair, J.F., Black, W.C., Babin, B.J., & Anderson, R.E. (2009). *Multivariate data analysis* (7th ed.). Upper Saddle River: Pearson Prentice Hall.
- Hardy, S.A., Dollahite, D.C., Johnson, N., & Christensen, J.B. (2015). Adolescent motivations to engage in pro-social behaviors and abstain from health-risk behaviors: A self-determination theory approach. *Journal of Personality*, 83(5), 479–490. <https://doi.org/10.1111/jopy.12123>
- Kharlanova, E.M. (2011). Research of social activity of students. *Historical and Socio-Educational Idea*, (5), 173–178. (In Russ.)
- Klenova, M.A. (2019). Protest activity and its psychological content in the context of young people's socio-political activity. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 8(4), 362–367. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-4-362-367>
- Kumykov, A.M., Lyuev, A.Kh., Zhabelova, G.A., & Zhuravel, K.N. (2017). Students' social activities as a guarantee of their professional success. *Higher Education in Russia*, (3), 127–132. (In Russ.)
- Lavrentyev, A.V. (2014). Social activity of volunteers. *Volunteer*, (3), 6–12. (In Russ.)
- Lebedeva, N.M. (2009). Cultural values and attitude to innovation in Russia and China. *Almanac of Modern Science and Education*, (11–2), 188–192. (In Russ.)
- Maximova, S.G., Noyanzina, O.E., & Omelchenko, D.A. (2017). Construction of the general index of social exclusion of the elderly people: Example of three Siberian regions. *Contemporary Problems of Social Work*, 3(3), 104–112. <https://doi.org/10.17922/2412-5466-2017-3-3-104-112>
- McFarland, D.A., & Thomas, R.J. (2006). Bowling young: How youth voluntary associations influence adult political participation. *American Sociological Review*, 71(3), 401–425. <https://doi.org/10.1177/000312240607100303>
- Nasledov, A.D. (2013). *IBM SPSS 20 Statistics and AMOS: Professional Statistical Data Analysis*. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Omelchenko, E., & Polyakov, S. (2017). The concept of cultural scene as theoretical perspective and the tool of urban communities analysis. *The Russian Sociological Review*, 16(2), 111–132. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-2-111-132>
- Oosterhoff, B., Ferris, K.A., & Metzger, A. (2017). Adolescents' sociopolitical values in the context of organized activity involvement. *Youth & Society*, 49(7), 947–967. <https://doi.org/10.1177/0044118x14560528>
- Pecherkina, I.F. (2017). Determinants of protest moods. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 3(4), 86–97. (In Russ.) <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2017-3-4-86-97>
- Petukhov, V.V. (2016). Crisis and protection of the citizens' labour rights. *Sociological Studies*, (11), 86–96. (In Russ.)
- Sedova, N.N. (2009). Leisure-time activities of Russian citizens. *Sociological Studies*, (12), 56–68. (In Russ.)
- Seigfried-Spellar, K.C., & Lankford, C.M. (2018). Personality and online environment factors differ for posters, trolls, lurkers, and confessors on Yik Yak. *Personality and Individual Differences*, 124, 54–56. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.11.047>
- Shamionov, R.M. (2018). Social activity of personality and groups: definition, structure and mechanisms. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15(4), 379–394. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394>

- Shamionov, R.M. (2019). Social activity of youth: a systematic diachronic approach. *Russian Psychological Journal*, 16(1), 166–188 (In Russ.) <https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.8>
- Shamionov, R.M. (2021). Social activity and risk propensity of students with autonomous and dependent types of subject regulation. *Social Psychology and Society*, 12(1), 94–112. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/sps.2021120107>
- Shamionov, R.M., & Arenkov, A.P. (2016). Value attitudes and civil identity of youth. *Human. Community. Management*, 17(3), 35–48. (In Russ.)
- Shamionov, R.M., Grigoreva, M.V., Arendachuk, I.V., Bocharova, E.E., Usova, N.V., Klenova, M.A., Sharov, A.A., & Zagranichnyi, A.I. (2020). *Psychology of social activity*. Moscow: Pero Publ. (In Russ.)
- Shchemeleva, I.I. (2016). Social activity of student youth: Levels and stages of social activity management. *Sotsiologiya Obrazovaniya*, (7), 16–25. (In Russ.)
- Shelepova, S.N. (2009). Social activity of youth cohorts in structure of contemporary social and political process. *Power and Management in the East of Russia*, (2), 147–154. (In Russ.)
- Sherman, L.E., Greenfield, P.M., Hernandez, L.M., & Dapretto, M. (2018). Peer influence via Instagram: Effects on brain and behavior in adolescence and young adulthood. *Child Development*, 89(1), 37–47. <https://doi.org/10.1111/cdev.12838>
- Sokhadze, K.G. (2017). Social activity of the Russian youth: The scope and restraining factors. *RUDN Journal of Sociology*, 17(3), 348–363. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-3-348-363>
- Tatarko, A.N. (2011). *Social capital as an object of psychological research*. Moscow: MAKS Press. (In Russ.)
- Terekhova, T.A. (2015). Structure concept of personal innovative activity. *Psychology in Economics and Management*, 7(1), 5–15. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2225-7845.2015.7\(1\).5-15](https://doi.org/10.17150/2225-7845.2015.7(1).5-15)
- Trotsuk, I.V., & Sokhadze, K.G. (2014). Social activity of the youth: Approaches to the assessment of forms, motives and factors in the contemporary Russian society. *RUDN Journal of Sociology*, (4), 58–74. (In Russ.)
- Ushkin, S.G. (2018). “People against”: *Protests and protesters in virtual social networks*. Moscow: INFRA-M Publ. (In Russ.) https://doi.org/10.12737/monography_5b5ffb29e84668.61830970
- Vasileva, E.N., & Poltavskaya, M.B. (2015). Economic and social activity of population as an indicator of social capital formation. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*, (4), 113–119. (In Russ.)

Article history:

Received 9 November 2022

Revised 14 January 2023

Accepted 16 January 2023

For citation:

Shamionov, R.M. (2023). The role of civic identity, religiosity, sex, and education in young people's commitment to various forms of social activity. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(1), 7–23. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-1-7-23>

Conflicts of interest:

The author declares that there is no conflict of interest.

Bio note:

Rail M. Shamionov, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, is Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University (Saratov, Russia). ORCID: 0000-0001-8358-597X, ScopusID: 56528356700, ResearcherID: C-2869-2013. E-mail: shamionov@mail.ru